

## Через превращенные формы - к политической экономии социализма

© 2012 Б.А. Рушаник  
кандидат экономических наук  
директор ООО “Экономист”, г. Тула  
E-mail: boruch@tula.net

В статье рассмотрены: проблемы метода превращенных форм для объяснения противоречий экономической действительности; два аспекта метода: как средство разрешения противоречий и как способ соизмерения непосредственно несоизмеримых результатов взаимодействия частей системы; попытка М.С. Лангштейна создать на базе метода основные категории политической экономии социализма.

*Ключевые слова:* диалектический метод, превращенные формы, соизмерение непосредственно несоизмеримого, разрешение противоречий, политическая экономия социализма.

В 1969 г. журнал “Экономические науки” (□ 1) опубликовал статью кандидата экономических наук М.С. Лангштейна “Иррациональные и превращенные формы экономических отношений”<sup>1</sup>. Она стала одной из немногих за долгие годы попыток обращения к теме о роли превращенных форм в политэкономической науке. К этому времени превращенная форма уже стала объектом внимания в ранних работах М. Мамардашвили. Через год в “Философской энциклопедии” (пятый том) появится его статья “Форма превращенная”<sup>2</sup>. В ней он рассматривает превращенную форму (*verwandelte Form*) как специальный оператор в концептуальном аппарате гуманитарных наук, обозначающий особую онтологическую реальность и вводящий эти объекты в число объектов всякой теории, относящейся к человеческой реальности (исторической, социальной, психологической). Такой оператор хорош для исследования фрейдовского психоанализа, юнговских архетипов, явлений товарного фетишизма и прочих парадоксальных эффектов, выступающих на поверхности целого. Текст оставлял двойственное впечатление: с одной стороны, превращенная форма пригодна для исследования в области любой науки, с другой - автор оговаривается, что нет, не для любой, для общественных наук есть особое условие ее пригодности, а именно: наличие самоотчуждения человека в его деятельности. Из этого читатель мог сделать вывод: в политэкономии социализма, где по господствующему представлению нет места самоотчуждению, а общественные отношения ясны и прозрачны, превращенной форме делать нечего.

Как свидетельствует история, тема превращенных форм в политической экономии никогда не была популярной. Еще полтора века назад

по этому поводу К. Маркс отмечал: “Что вещи в своем проявлении часто представляются в превращенном виде, признано как будто во всех науках, за исключением политической экономии”<sup>3</sup>. Тяга оперировать понятиями ясными и очевидными существовала во все времена. Науки, которые оперируют натуральными формами проявления без раскрытия их связей с первоосновой, К. Маркс относил к вульгарному типу наук.

Оговорка М. Мамардашвили об особом условии не была случайной. Она соответствовала (и соответствует по сей день) распространенному мнению о социализме как об обществе с прозрачно ясными формами проявления. Это представление основано на вырванном из контекста предположении К. Маркса о прозрачно ясных отношениях людей к их труду в союзе свободных людей<sup>4</sup>. Сам К. Маркс о социализме позволял себе только делать общие прогнозы и никогда не претендовал на подвиг создания политэкономии далекого будущего. Вместе с тем он дал пример исследования современного ему общества. И в основе этого исследования лежит методология превращенных форм, являющаяся сердцем многократно оплеванного и воспетого диалектического метода, с помощью которого он написал “Капитал”.

За полтора века, прошедших с тех пор, метод у всех на слуху. Это, однако, не прибавляет ему ясности. По этому поводу получила известность печальная шутка его создателя, Г.В.Ф. Гегеля, отметившего, что его метод понял только один ученик, да и тот неправильно. Проблемы с методом были у В.И. Ленина, признававшегося, что он не вполне понял Гегеля, о чем можно судить по его конспекту “Науки логики”. Известно ленинское высказывание о том, что мало

кто из марксистов понял Маркса даже спустя полвека после его смерти<sup>5</sup>. Стоит отметить, что сам Маркс не оставил после себя развернутого описания использованного им метода, хотя известно, что замысел написать специальную работу по диалектике у него был. Так, в письме Ф. Энгельсу 1 января 1858 г. К. Маркс писал, что он “с большим удовольствием изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то рациональное, что есть в методе, который Гегель открыл и в то же время мистифицировал”<sup>6</sup>. Ф. Энгельс в одном из писем отмечал, что “среди рукописей К. Маркса, еще ждущих своего просмотра, его особенно интересует очерк диалектики, который К. Маркс давно хотел написать”<sup>7</sup>. К сожалению, такой обшей “Диалектики” К. Маркс после себя не оставил. Поэтому, как отмечает И. К. Смирнов, “есть все основания утверждать, что и сегодня, спустя 140 лет со дня выхода в свет 1 тома “Капитала”, очень немногие... вполне понимают логику “Капитала”<sup>8</sup>. С этой точки зрения не вызывает удивления, пишут А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, что в наши дни “остались едва ли не несколько десятков ученых, акцентированно использующих диалектический метод и почти совсем не осталось ученых, этот метод развивающих”<sup>9</sup>.

Метод превращенных форм позволяет понять, как глубоко скрытая суть искажается и видоизменяется на поверхности явлений, как развиваются и разрешаются противоречия. В экономической доктрине, разработанной К. Марксом, нет ни одной категории, которая не была бы выведена как превращенная форма исходной экономической клеточки. Прибыль - превращенная форма прибавочной стоимости, зарплата - превращенная форма цены труда, деньги - превращенная форма товара и т. д. Термин “превращенный” часто воспринимают как синоним термина “искаженный”. Конечно, превращений исходной формы не бывает без искажений, но не это главное, хотя это и придает превращенной форме мнимо негативный оттенок. Превращенный есть принявший иной вид, перешедший в другое состояние, ставший чем-нибудь другим. Искраженный - представляющий в ложном виде. Близок по содержанию к нему термин “превратный” (ложный, извращающий истину). Примером превращенной формы в информационных системах служит кодирование, когда естественный нормативный язык искажается, но именно это позволяет проявиться всем полезным качествам кодирования. Другой пример. Показатели, отражающие работу предприятия, изначально затратны и несопоставимы между собой. Про-

изводительность труда, фондоотдача, качество и так далее тянут в разные стороны, скорости их движения различны, одни растут, другие падают, третьи мало изменяются. Лебедь, щука и рак. Там, в глубине, разные по значимости и смыслу, движущиеся в разные стороны с разными скоростями, непосредственно несоизмеримые затратные показатели. На поверхности рыночного механизма все они выворачиваются наизнанку и предстают в своем противоположном виде, в виде частей антизатратного механизма. Да еще при этом непонятным образом интегрируются в единый критерий эффективности работы, норму прибыли. За счет чего это происходит?

Здесь мы подходим к важнейшему свойству превращенной формы - ее способности собрать воедино непосредственно несоизмеримые результаты взаимодействий в системе, привести их в соизмеримый вид и обеспечить комплексность оценки. Превращенная форма обладает внутренней комплексностью, и не зря К. Маркс, в свое время изучая ее, обратился к комплексным числам в математике.

Комплексные числа включают в себя числа рациональные, иррациональные и мнимые. Иррациональные числа появились, когда выяснилось, что в равнобедренном треугольнике, у которого катеты равны целому числу, единице, гипотенузу целым числом никак не выразить. Она, как известно, равна корню квадратному из суммы квадратов катетов, т. е.  $\sqrt{2}$ , а среди рациональных чисел нет такого числа, квадрат которого оказался бы равен 2. Таким же образом среди конкретных затрат труда не оказалось ни одной такой, которая могла бы соизмерить две другие конкретные трудозатраты. Это могут сделать только абстрактные трудозатраты, лежащие за плоскостью конкретных, так же как иррациональные числа лежат за пределами плоскости рациональных.

Мнимые числа (их появление, кстати, в свое время вызвало целую бурю среди математиков) противоречат числу в его простых формах. Пример мнимого числа  $\sqrt{-2}$ . Мнимым числам свойственны какие-то “сверхъестественные” связи, парадоксальная загадочность. Согласно здравому смыслу мнимых чисел не может быть, ибо любое число, возведенное в четную степень, имеет положительный знак. А что представляет из себя результат возведения в квадрат? Нечто невозможное. Однако это не выдумка математиков. Мнимые числа, невзирая на их внешнюю мнимость, выражают реальные отношения. Какие отношения существуют между интегральным результатом системы и ее составными частями?

Каждая часть системы выполняет свою функцию, их нельзя механически сложить, но волшебным образом возникает интегральный результат. Именно для соизмерения общего интегрального результата с результатами деятельности отдельных частей системы не обойтись без мнимых чисел, отражающих соответствующий уровень связей в превращенной форме.

По сути такое соизмерение представляет собой “оконкречивание абстрактного труда”. Стихийное “оконкречивание абстрактного труда” К. Маркс называл мистическим и приводил его в качестве основы товарного фетишизма. Мистицизм проявляется в том, что абстрактный труд сводится к конкретному и, соответственно, конкретное выступает как форма проявления абстрактного. Ситуацию, когда конкретное выступает как форма проявления абстрактного вместо того, чтобы абстрактному быть свойством проявления конкретного, Маркс называет извращением. Эта ситуация в полной мере относится к выражению “стоимость” и сильно затрудняет его понимание. Когда говорят римское право и германское право суть право, это понятно. Если же скажут, что право - это абстракция, осуществляющая себя в римском праве и германском праве, то в данных конкретных правах связь становится мистической<sup>10</sup>.

Иррациональность и мнимость предстают у К. Маркса как взаимные противоположности. Таковы, например, рента как цена земли и процент как цена капитала. Они мнимы, хотя и в противоположном друг другу смысле<sup>11</sup>. Примером непосредственной иррациональности и одновременно противоположности могут служить такие категории, как зарплата и прибыль.

Все сказанное относится к первой ипостаси превращенной формы - способу выяснения, почему внутренние отношения экономической системы предстают на ее поверхности в искаженном, диаметрально противоположном виде. Но есть еще вторая. В ней превращенная форма предстает как опосредствующее звено, в движении которого разрешаются объективные противоречия. Это звено обладает способностью внутреннего самодвижения. С его помощью в процессе разрешения противоречия не только не разрушается, но воспроизводится вновь и вновь на каждом новом уровне без нарушения целостности. Такое противоречие обладает особым свойством: быть одновременно раздвоенным на противоположные полюса и целостным.

Метод превращенных форм - сердце диалектики, ее механизм добывания истины. Вытащи его, как это и случилось, и диалектика тихо умрет, оставив после себя набор мертвых цитат

и лозунгов, пригодных на все случаи жизни, но бесполезных для ее развития.

Что же можно увидеть, глядя на экономическую науку сквозь призму методологии превращенных форм?

Первые ответы покажутся огорчительными. Тает, как мираж, приписываемая социализму ясность и прозрачность общественных отношений людей к их труду и его продуктам. Исчезают на глазах сказочные молочные реки с кисельными берегами. Вместо них со всей определенностью выступают контуры нерешенных проблем с методом Гегеля - Маркса. А это означает необходимость формировать новые понятия путем восхождения от абстрактного к конкретному. И начинать это делать с исходной предельно-абстрактной категории, наиболее адекватно отражающей особенности новой системы. По сути, нужны новые построения на основе изменившегося предмета исследований. В такой постановке видна вся сложность задачи и становится понятным, почему призыв Р. Арона к политэкономам создать “Капитал” XX в. до сих пор не реализован.

Первый шаг - это обнаружить предельную абстракцию, исходную экономическую клеточку социализма. От успеха данного начинания зависит все последующее построение. В этом качестве может служить только наиболее массовидное для общества явление. Его нужно суметь выделить из огромного Монблана фактов. Особенность этого Монблана для Маркса состояла в том, что это не простой сгусток “неотесанных” фактов. Это произведение природы, где факты не хаотично спрессованы между собой, а гармонично пригнаны друг к другу.

Процесс “обнаружения” в свое время для К. Маркса оказался вовсе не простым. Сначала, как это видно из “Экономическо-философских рукописей 1844 г.”, Маркс считал исходной экономической категорией капитализма отчужденный труд. В 1857 г. в этом качестве он определил стоимость. Лишь в процессе длительных научных поисков он обнаружил заветную категорию - товар. Дальше в соответствии с диалектическим принципом раздвоения единого товар раздваивается на потребительную стоимость и стоимость, и нет никакой взаимности между ними. Они живут в разных пространствах, непосредственно несопоставимы, ибо отражают различные стороны бытия. Главное противоречие между ними, противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью, напрямую неразрешимо. И на самом деле, как соизмерить полезность вещи (потребительную стоимость) и трудозатраты на нее (стоимость)?

Чтобы их соизмерить, должен появиться “бог из машины”, категория, способная объединить то, что напрямую несопоставимо. В качестве такого бога, как известно, у Маркса появляется категория всеобщего эквивалента - деньги. Деньги - экономический автомат, обладающий самодвижением. Именно с их помощью происходят “чудеса” соизмерения того, что напрямую несоизмеримо.

Откуда же берется “божья” сила денег? Ответ Маркса на это известен. Сила денег в том, что при капитализме они являются превращенной формой его исходной экономической клеточки - товара, именно так они *выведены* (подчеркнем это слово) у Маркса.

Деньги как всеобщий эквивалент - иррациональная форма товара, поскольку служат для соизмерения непосредственно несоизмеримого.

Чтобы обнаружить исходную экономическую категорию социализма, исследователю придется проделать работу, аналогичную той, которую когда-то проделал Маркс, анализировать Монблан фактов и выщипывать, по выражению М. Горького, их “несущественное оперение”. Несущественное оперение фактов - это эмпирические отклонения от необходимых связей, которые не приводят, а уводят от истины.

Искомая категория должна быть самой распространенной, массовой и в этом смысле бесспорной. Массовидность - свидетельство того, что явление неслучайно. Поэтому его можно без опаски вкладывать в постулат. Искомая категория может только постулироваться, ее не требуется доказывать. Для сомневающихся в этом можно сослаться на основы других наук, например, Евклидовой геометрии. В ее основе лежит постулат, что параллельные линии никогда не пересекаются. Его не требуется доказывать, да это и невозможно. Но от того, что исходная категория принимается “на веру”, геометрия не перестает быть наукой. Дальнейшее ее развитие произошло, как известно, при уточнении исходного постулата. Скорее всего, именно такой процесс имел в виду Маркс, когда говорил, что марксизм должен принимать новую форму на каждом крутом повороте истории.

Какие же ориентиры существуют в поисках заветной категории?

Основным из них является то, что искомую экономическую клеточку нельзя выдумывать. Нужно так же, как в свое время Маркс, взять самую массовую “вещь”, в которой непосредственно проявляется системообразующий фактор социалистической системы.

В такой постановке видна вся “непаханая целина” задачи. Очередь из согласных с такой постановкой пока невелика. Еще меньше очередь из попытавшихся взяться за ее решение. Тем ценнее и

интереснее каждая такая попытка. Анализу одной из них посвящено дальнейшее изложение.

Автором данной попытки, как уже можно догадаться, является М. С. Лангштейн<sup>13</sup>, с упоминания публикации которого начинается данная статья.

Для социалистической системы в качестве исходной экономической клеточки он предложил категорию, парную и зеркальную товару, - “продукт”.

Товар, конечно, тоже продукт, но продукт, предназначенный для продажи. Без купли-продажи система, основанная на частной собственности, нежизнеспособна. Ведь главная проблема по обеспечению ее жизнедеятельности - объединять изначально разъединенные ячейки общества. Отсюда и заглавная роль рынка. При социализме хозяйственные ячейки изначально объединены, следовательно, главная проблема в обеспечении жизнедеятельности системы здесь совсем иная - определение конкретных трудовых вкладов в общий “котел” с тем, чтобы знать, сколько кому выдавать из этого “котла” для удовлетворения личных потребностей. Каждому по труду. А это диаметрально противоположная задача по сравнению с задачей объединения разъединенных.

Товар и продукт - предельные абстракции, предельно простые очевидные вещи. Вне методологии превращенных форм топтаться вокруг них можно вечно и все равно не увидеть главного: того, что, хотя они внешне схожи как две капли воды, но отличаются друг от друга как вещество и антивещество. К тому же, вне методологии непонятно, что делать дальше с исходной категорией “продукт”, как строить на ее основе систему экономических категорий социализма.

Взяв за основу в качестве исходной экономической клеточки социализма “продукт”, автор предлагает двигаться дальше в полном соответствии с диалектической логикой и прежде всего с ее принципом раздвоения единого. На какие же противоположности можно разделить продукт ассоциированного труда?

В общих чертах без подробной расшифровки политэкономического среза “продукт” целесообразно раздвоить на потенциальную полезность (аналог потребительной стоимости) и трудоотдачу (аналог стоимости). В этом месте, думаем, найдется много чего сказать (и это в любом случае будет на пользу дела) коллегам автора по профессии. Ну а мы пока попробуем отследить логику его дальнейших построений.

Завершив процесс раздвоения, переходят к следующему процессу объединения. Его необходимо осуществить таким образом, чтобы оно не превратилось в механический конгломерат, не привело к дуализму и эклектике. Сделать объединение под-

линно диалектическим позволяет, как уже было показано, важнейшее свойство превращенной формы - быть посредствующим звеном для движения и разрешения противоречий. Благодаря этому свойству противоречие в процессе разрешения воспроизводится вновь и вновь на каждом новом уровне без нарушения его целостности.

Что же может выступать в качестве превращенной формы “продукта”? Автор предлагает свою гипотезу: всеобщий эквивалент - деньги. Но эти деньги при всей их внешней схожести с товарными деньгами, являются их зеркальным отражением. Товарные деньги сплачивают в единую совокупность раздробленных частной собственностью производителей. Их задача - объединять раздробленных.

Всеобщий эквивалент эпохи общественной собственности призван решать совершенно иную, зеркально противоположную задачу - не объединять раздробленных, а разъединять изначально объединенных. И делать это путем вычленения вклада каждого в общенародную копилку по труду. Все функции таких денег приобретают зеркальное отражение старых, хотя внешне они схожи как две капли воды.

Социалистически-капиталистические, “зеркальные” и товарные деньги, выведенные как превращенная форма, соответственно, “продукта” и товара, составляют основу пары, воплощающей в себе новый денежный механизм. У этого механизма двуединая задача: где надо - объединять, но главное - отчленять трудовой вклад каждого. Старые деньги в нем функционируют в “кооперации” с новыми деньгами, призванными выполнять принципиально другие функции. В старых деньгах со вступлением в пострынок уже начался процесс модифицирования их функций. Но это относилось к их внешним функциям: средство накопления, средство платежа, мировые деньги. Функция денег как средства накопления подпала под контроль государства начиная с 30-х гг. XX в. На функцию денег как средства платежа государство воздействует с помощью категории ссудного процента, величина которого определяется центральными банками. На функцию денег как мировые деньги также воздействуют центральные банки государств, определяя пропорции обмена валют. При этом внутренние функции денег (мера стоимости, средство обращения) оставались неизменными.

В новых деньгах модифицируются не только внешние, но и внутренние функции, в первую очередь святая-святых этой категории - мера стоимости и средство обращения. Дело в том, что функция меры стоимости обеспечивает эквивалентный обмен лишь в среднем и не может обеспечить экви-

валентность в каждом отдельном случае. Вместо измерения меры “стоимости”, необходимого для объединения разъединенных частных товаропроизводителей, для новых денег возникает необходимость определять трудовые вклады (трудоотдачу) предприятий, объединенных общественной собственностью. Это диаметрально противоположные задачи, хотя внешне они схожи и их трудно различить. Возможно, именно такие деньги имел в виду К. Маркс, когда говорил, что в эпоху общественной собственности будут функционировать особые (нетоварные) деньги.

Важнейшей задачей нового денежного механизма является не давать деньгам превратиться в капитал, т. е. исключить возможность нетрудовой дифференциации доходов.

На этом, пожалуй, в описании попытки М.С. Лангштейна создать основные категории политической экономии социализма стоит остановиться. Подробности можно найти в уже упомянутой его работе “Социалистический капитализм”. В ней даются практические приложения метода для создания регуляторов, эффективно работающих в условиях сверхмонополизации, обеспечивающих более эквивалентный обмен и предотвращающих нетрудовую дифференциацию доходов. Этой теме целесообразно было бы посвятить цикл статей.

Обсуждение и критика предлагаемой автором теории, ее логики и аргументации могут оказаться полезными в дискуссии о социализме, преодолении раскола экономической мысли, в поисках решений для создания основ политической экономии социализма.

<sup>1</sup> Лангштейн М.С. Иррациональные и превращенные формы экономических отношений // Экон. науки. 1969. □ 1.

<sup>2</sup> Мамардашвили М. Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5. С. 386.

<sup>3</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 548.

<sup>4</sup> Там же. С. 90.

<sup>5</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 102.

<sup>6</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 212.

<sup>7</sup> Там же. С. 3.

<sup>8</sup> Смирнов И.К. Проблемы использования методологии К. Маркса в современной экономической науке. К 125-летию со дня смерти К. Маркса // Проблемы современной экономики. 2008. □ 1.

<sup>9</sup> Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитализма: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранные тексты). М., 2009. С. 141.

<sup>10</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 49. С. 148.

<sup>11</sup> Там же. Т. 26. С. 546.

<sup>12</sup> Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 152.

<sup>13</sup> Лангштейн М.С. Социалистический капитализм. Киев, 1993.